

обще нужна только для того, чтобы воздухом дышать, и ни для чего более. Ее маме тоже не до сельхозработ — в свободное от театра время Нина Ивановна предпочитает заниматься интерьером старенькой дачи: она уже написала под витражи стекла террасы, раскрасила старинную печь, оклеила столы и стулья яркой бумагой. А на стене одной из комнат изобразила краткую родословную всех русских царей. «Мои внуки должны знать нашу историю», — говорит она. Другие стены расписаны японскими иероглифами. Тут авторство принадлежит уже Лене и Филиппу. Страсть к Востоку у Лены появилась давно, с тех пор как она побывала на съемках в Корее. Потом выяснилось, что в школе у сына есть курсы японского языка. Лена уговорила Филиппа на них записаться, а в результате начала ходить туда вместе с ним. «Филипп сначала не хотел сидеть со мной за одной партой, — рассказывает Елена, — а потом понял, что я ему в случае чего дам списать — тут он сразу ко мне и пересел». На занятия Лена ходит с черным плоским чемоданчиком. В нем специальные чернила, кисти и рисовая бумага из Японии — все для написания иероглифов. «Когда изучаешь японский, поневоле становишься немного философом, начинаешь больше размышлять, анализировать, — говорит актриса. — Вот почему, например, сочетание иероглифов «человек» и «ошибка» читается как «актер»? Вообще в Японии считают: пока ты учишься — ты не стареешь. Мне такой подход очень по душе». Отвлечь Лену от занятий японским не могут даже съемки: «Пока свет на площадке меняют, я, чем в потолок плевать, сижу и учу язык!» Так что лук сажать или по телефону наряды обсуждать Елене Дробышевой просто некогда.

Мария МОЛОДЦОВА
Фото Марка ШТЕЙНБОКА

Елена, ее сын Филипп (справа), Христина и ее дети — Антон и Таис